

Луиза Робер де Керальо

Обращение к женщинам Монтобана

Извлечение из *Mercure National*, том II, № 6

Перевод с французского *Т.А.Черноверской*

Adress aux femmes de Montauban,

extrait du *Mercure National*,

Tome II, N°. 6.

Par *Mme Robert*, ci-devant *Mlle de Keralio*,
de l'Academie d'Arras & de la Société Patriotique Bretonne

1790

Только что по вине врагов конституции пролилась кровь; но к омерзению, которое внушают преступления, совершённые в Монтобана, примешивается страх, какой всегда вызывают движения, противные природе. Примеров того, что деспотизм, фанатизм, гордыня, алчность, расточая золото и обещания, дают оружие множеству людей, не имеющих покровителя, не имеющих семьи, не имеющих отечества, с начала революции дано немало. Но чтобы пол слабый и робкий, отбросив разом два чувства, в высшей степени ему свойственные, боязливость и сострадание, взял оружие в свои слабые руки, чтобы направить его против своих сограждан, своих друзей, своих братьев, своих защитников; чтобы видеть женщин собравшимися в публичном месте, вызывающими мужчин на бой, подстрекающими одних, подбадривающими других, приказывающими убивать и подающими в этом пример! Такого не являют нам и варварские века. Нет, со времен Варфоломеевской ночи, со времен убийств в Севеннах после отмены Нантского эдикта женщины не приносили пламя гражданской войны в лоно своих домашних очагов, и не выходили из храмов, чтобы осквернить себя кровью своих соседей и своих близких.

Несчастные женщины! как же ярость ослепила вас? Кого же намерены вы защищать? Не то ли надменное дворянство, что попирало ногами права ваших отцов, ваших мужей, ваших сыновей; кто, вырывая у них пищу, пожирал ее в разгуле и праздности? Не то ли духовенство, не менее алчное, что оспаривало у дворянства цену их крови; тех порочных священников, чья преступная рука что ни день благословляла новые подати, новые налоги? Тех неправедных судей, что, поддерживая дворянство и духовенство, ежедневно приговаривают вас к смерти, к галерам или к тюремному заключению? Что стремитесь вы вернуть с оружием в руках? Феодальные права, габель, право охоты, подати всякого рода, сеньориальный суд, десятины, крепостное состояние, бастилию, галеры и тюрьмы? Безрассудные, и вы верите, что служите религии! вы верите, что это бог мира призывает вас убивать? Те священники, что в трибунале исповедали и с кафедры истины совращают вас и вовлекают в преступления, использовали то же самое оружие, когда готовили Варфоломеевскую ночь! Из каких же побуждений оскверняли они тогда имя Божие? Чего хотели они? – Золота протестантов, сохранения своей власти и своих привилегий! Чего хотят они сейчас? – Золота французов, крови народа и восстановления тех же привилегий! Итак, вы хотите, в припадке исступления, вызванного их вероломными внушениями, перерезать защитников ваших домашних очагов; эту национальную гвардию, объединившуюся от одного края королевства до другого во имя вашего спасения и безопасности; вы убили гражданина, вашего благодетеля; его собственность, плод его мастерства и активности, прежде давала вашим согражданам жить ценой своего труда, продукт которого также изливался на обездоленных из его благодетельной руки! Еще раз, разве дворянство и духовенство возвращали вам те блага, которых вы себя лишали? Быть может, они вам это обещали? Делали ли они это, когда получали удовольствия ценою вашего пота? Ваши епископы, что из коварного расчета объезжают сейчас ваши поля, приходили ли они прежде в хижину бедняка, чтобы принести хоть обол из своих немереных излишков? Разве не заперались они в своих богатых дворцах, разве не разделяли ваше добро между куртизанами всякого ранга? Разве не предоставили они одним лишь вашим почтенным пастырям облегчать вашу нужду? Разве религия изменилась? Разве не должны они были служить ей так же, как теперь притязают защищать? Разве не в лоне роскоши и разврата проводили они в жизнь нормы божественной морали? Разве не убийствами и гражданской войной дерзают они защищать ее? и неужели вы верите, что для них важно, будет ли у французов одна или несколько религий? Они натравливают вас против протестантов! Что ж! если тиран Алжира или Константинополя дарует им привилегии, бенефиции, десятины, епископства, женщин и дворцы, завтра же Магомет станет их пророком; мы избавимся от них, и наша святая вера сохранит свою власть в наших сердцах, как в сердцах тех ваших истинных защитников, в тех, что сгорают от любви к вашему благоденствию, и кому вы платите столь черной неблагодарностью.

Женщины, введенные в заблуждение, совращенные и побежденные гнусным коварством, возвращайтесь к себе; оставайтесь в своих стенах, возвращайтесь в лоно того мирного бога, от которого вы отреклись. Прислушайтесь к голосу человечности. Трепещите, как бы не отдать гражданской войне... кого же, великий боже! ваших мужей, ваших сыновей, ваших безутешных отцов, ваших рыдающих матерей, ваших сограждан, ваших благодетелей, ваши города, наконец, всю Францию целиком. Прежде чем осуждать культ ваших братьев протестантов, начните изучать, что вам предписывает ваш, и узнайте же, что бог вам повелевает не только любить все его создания, но и прощать им все оскорбления, даже самые жестокие.

Или ладно, продолжайте идти от преступления к преступлению на голос дворян и священников, собирайте вокруг себя всех разбойников той партии, которой вы служите, осветите всю Францию, от края до края, огнями погребальных костров, пламенем раздоров; бегите от города к городу, убивая всех своих друзей, всех своих защитников; пусть ни кровь, ни ужас, какой она вызывает, не остановит вас; спешите, следуя их воле, принести свою ярость в священный храм, где ваши законодатели денно и ночью трудятся во имя вашего блага, пренебрегая заботами о собственном здоровье и собственной жизни; принесите их в жертву, таких как Робеспьер, Барнав, Рабо де Сент-Этьен, Дарше, Ламет, Камюс, д'Эгийон, Ларошфуко, Петион, или как ваши добрые пастыри Грегуар, Диллон, Гутте, и другие. Разружьте этот город, где отважный французский народ опрокинул Бастилию и с триумфом возвратил того короля, которого вам имеют наглость представлять пленником; вот до чего вы безумны! И вот так ваша ярость погубит ваших единственных друзей; как только наши отважные национальные гвардейцы будут убиты, те, кто натравил вас на них своими нечестивыми воплями во имя религии, боясь, как бы ваше неистовство не обратилось против них самих, призовут, чтобы в свою очередь истребить и вас, германские и австрийские войска, которые еще 12 июля минувшего года изъявили готовность послужить их заговорам. Они обременят вас цепями, пожрут ваши жизненные припасы, и вы будете сгнать столетиями, пока не поднимутся люди, которые дерзнут подставить себя их мщению и вашей неблагодарности.

© Т. Черновверская 2005-2006
© Vive Liberta 2006

Что же сказать о женщинах, именуемых *Caumonts de la Force*, о тех, кто торжественной мессой открыл сие кровавое действие? О тех женщинах из бывших *благородных*, что могли бы возвыситься до звания гражданок, но провозгласили себя *предательницами отечества*, и по собственной воле посвятили себя этого рода бесчестию. В тысячу раз более виновные, чем те обездоленные женщины, которых они совратили, поскольку образование должно было по крайней мере заменить им принципы и научить их сдерживать страсти. Но что я говорю об образовании? Разве многие годы оно существует во Франции, и разве не в падении нравов в последние полтора десятилетия можем мы усмотреть причину того страха перед революцией, какой выказывают женщины *почтенного класса*? Им тяжело видеть, как ускользает из их рук та постыдная подать, которую они взимали с сокровищ откупщиков и орденосных разбойников, что осаждали трон и пожирали государство. Им тяжело видеть, как рождается свобода тех людей, что, презирая изнеженность и праздность, посвящают себя трудам славным и усердным, кто заботится о благе не распутных женщин, но своих целомудренных жен и детей, чьими отцами они являются. Еще раз, именно разложение нравов порождает ныне антицивизм женщин некогда *благородных*.

И до чего же страшились они выйти хоть немного за границы, определенные их полом, они, отбросившие всякое чувство стыдливости! Как они краснеют, соединяя лицемерие со столькими пороками еще более постыдными. Женщины целомудренные стыдливы, женщины развращенные дерзки, наглы, жестоки. Всегда похожие на тех вакханок Версаля, что танцевали на знаменитой оргии 11 июля под звон орудий войны, под звуки, призванные подстрекнуть германских солдат к убийствам; разве удивительно, что они все еще стремятся утолить кровью неистовство своих страстей? Преступные женщины, именуемые *Caumonts de la Force*, разве не осталось вам лишь сожалеть об одном из декретов высокого собрания, о том, что лишает вас надежды погresti в стенах монастыря ваши обесчещенные имена, ваш позор и ваше раскаяние?

Церковные реформы начала революции и французское общество

С. Ф. Блуменау

Памяти профессора А.В.Адо. Современные исследования
о французской революции конца XVIII века.
М., 2003.

Проблемы ожидали власть там, где их казалось не должно было быть. Сильное противодействие в некоторых местностях встретили преобразования, предоставлявшие равные права разным конфессиям. В эпоху Просвещения терпимости к инаковерию прибавилось, но представить протестанта, а тем более иудея, равным себе, католик не мог. Церковная элита, привыкшая к монопольному положению католицизма, стремилась закрепить его документально. Духовные лица требовали внести в Декларацию прав дополнительную статью, объявлявшую католическую религию господствующей.

Под давлением церковного лобби и сами депутаты, не чуждые предрассудков, действовали поначалу достаточно робко. В десятой статье Декларации прав речь шла не о равноправии в сфере религии, а только о веротерпимости: «Никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных...» Лишь декрет от 24 декабря 1789 г. позволил лицам не католической веры занимать любые гражданские и военные должности.

Драматически развивались события в тех районах Лангедока, где среди населения имелось значительное протестантское меньшинство. В Монтобане и Ниме приверженцы Реформации выступали в качестве мануфактуристов – работодателей многих тысяч пролетариев, преимущественно католиков. Социальная неприязнь со стороны последних сочеталась с религиозной нетерпимостью. Не без страха наблюдали католики, как протестанты овладевали городским управлением¹. Одновременно их религиозные оппоненты выдвигались и в общенациональном масштабе. Настоящая паника поднялась, когда весной 1790 г. Рабо де Сент-Этьенн занял кресло председателя Учредительного собрания. Обнаружив, что протестанты выдвигаются благодаря революции, многие католики Лангедока прониклись враждебностью к новой власти.

Это отразилось в «Декларации граждан-католиков города Нима», обнародованной 20 апреля 1790 г. от имени 3 тысяч человек, ее подписавших. Требование, чтобы католическая религия посредством особого декрета признавалась государственной, соединялось с требованием «восстановления за королем прав высшей исполнительной власти»². Уже 10 мая в Монтобане, а 13 июня в Ниме вспыхнули волнения. Подстрекателями стали духовные лица и отдельные представители знати. Но главным двигателем выступлений явилась все же ненависть части католиков к инаковерующим и революции. Толпа убивала протестантов и одновременно уничтожала трехцветные кокарды и иные революционные эмблемы. При этом здравицы в честь короля перемежались с угрозами в адрес нации. На наш взгляд, неправомерно отделять массовые беспорядки в Монтобане и Ниме от контрреволюции. Такого рода предположения часто злоупотребляют, когда речь идет о народных восстаниях против Французской революции³. Поскольку в Лангедоке погром протестантов сопровождался резкими выпадами в отношении революции и ее символов, то следует причислить эти выступления к контрреволюционным.

Важным шагом Учредительного собрания стало реформирование церковной организации. Ведь повседневная деятельность белого духовенства, судьбы которого решала власть, непосредственно затрагивала жизнь каждого верующего. Большинство Ассамблеи рассматривало французскую церковь, а равно и прежнее устройство государства и общества, как архаичные, реакционные и подлежащие немедленной и решительной переделке. К тому же устремления новой политической элиты пронизывались рационализмом. Несовпадение административных границ с церковными, характерное для Старого порядка, создавало серьезные дополнительные трудности для страны, и Конституанта вознамерилась с этим покончить. Руководствовались депутаты и финансовыми мотивами: сокращение числа епархий и приходов сулило экономию средств.

Уверенность в души реформаторов вселяли уже достигнутые впечатляющие успехи в церковных делах и других преобразованиях. Законодателей не настораживало появление «горячих точек», вызванных конфликтами на религиозной почве. Почерпнутый у просветителей и свойственный интеллектуалам того времени абстрактно-умозрительный подход лишил парламентариев политичности и тонкости, необходимых для решения столь непростой проблемы.

Предложения по реформе были предъявлены Церковным комитетом Учредительного собрания в апреле 1790 г. Три компонента представляются наиболее значимыми: независимость от Ватикана, передел церковных округов, выборы священнослужителей по примеру светских должностных лиц. Революция освободила епископов от обязанности посылать в Рим аннаты – денежный взнос в размере годового дохода. Теперь папе отказывали в канонической инвеституре иерархов французского католического клира. Исходя из соображений единообразия и удобства, собирались привести церковные округа в соответствие с новым административным делением. Границы департаментов и диоцезов должны были совпадать, а посему вместо прежних 134 епархий оставались только 83. Они входили в десять архиепископских округов – митрополий. Существенно уменьшалось и количество приходов. «В городах и бургах, насчитывающих менее 6 тысяч душ,

¹ Ligou D. Montauban à la fin de l'Ancien Régime et aux debuts de la Révolution : 1787-1794. P., 1958. P.205-207.

² Цит. по: Михайлов Я. Ук. соч. Т.1. С.44.

³ Это проявилось, например, на коллоквиуме в Ренне. См.: Les résistances à la Révolution: Actes du Colloques de Rennes. P., 1987. Подробнее о представлениях об антиреволюции и контрреволюции см.: Блуменау С.Ф. Современная французская историография Вандеи и шуанерии // Новая и новейшая история. 1992. № 1.

учреждается лишь один приход; прочие приходы упраздняются и присоединяются к главному»¹. С точки зрения верующих, самым возмутительным аспектом намеченной реформы были выборы церковных должностных лиц светскими избирателями. Смерть или отставка епископа влекли за собой избрание нового епископа департаментскими выборщиками. За кюре прихода голосовали выборщики дистрикта. И только своего викария священник назначал сам. Создавалась парадоксальная ситуация, ведь среди выборщиков были не только католики, но и представители других конфессий. Это заставило власти внести в будущий декрет пункт о том, что голосование будет происходить в церкви по окончании католической мессы. Так появлялась возможность отстранить не католиков от процедуры избрания. Стремясь соблюсти хотя бы для видимости вековые правила и не рассориться с церковью совсем, государство оставило в силе посвящение в сан кюре и епископов вышестоящими духовными лицами. Но контроль за инвеститурой оно сохраняло за собой. Позднее, в том же 1790 г. будет принят дополнительный декрет, подстраховывавший революционные власти от возможных неожиданностей. Если избранный епископ не получал посвящения от главы своей митрополии, то мог обратиться к любому епископу данного округа. В крайнем случае, при отказе всех иерархов этой митрополии дело передавалось в кассационный суд, который рекомендовал любого французского епископа, чья благожелательность была известна, чтобы тот осуществил посвящение. Таким образом, все равно последнее слово оставалось за светским учреждением – судом.

Реформа явилась решительным шагом в установлении контроля государства над церковью, тем более что выплата жалованья духовным должностным лицам осуществлялась за казенный счет. Показательно также, что поначалу предполагалось сделать новые церковные установления частью подготавливаемой Собранием Конституции страны.

Влиятельные в среде духовенства и ведомые либеральными прелатами силы в принципе не возражали против реформирования церкви. Но они настаивали на согласовании перемен с требованиями религии, необходимости канонического освящения новшеств. Главой и рупором течения стал архиепископ экский Буажелен, выступивший в Собрании и обрисовавший контуры возможного компромисса. Его речь свидетельствовала о лояльности политическому курсу Ассамблеи. Одновременно оратор заверял, что клир не останется «безразличным к пожеланиям гражданских властей» и не допустит «существования неприемлемых правил или выродившихся обычаев» в религиозной сфере. Буажелен и группировавшиеся вокруг него духовные лица не оспаривали территориальной реорганизации церкви. Более того, они уже предпринимали шаги к изменению границ церковных округов, как предусматривал проект декрета. С одобрения Учредительного собрания деятели французской церкви вступили в контакт с представителями Ватикана, добиваясь согласия папы на нововведения. От их имени Буажелен выдвигал идею созыва национального собора, который поможет примирить интересы религии и государства и даст канонические средства для поддержания реформы.²

Конечно, духовенство шокировало то, что избрание священнослужителей возложено на светских лиц. Аббат Жакемар, предложил, чтобы их выбирали клирики. В самом Церковном комитете докладчик проекта Мартино склонялся к тому, чтобы выборы происходили на смешанной основе с участием как духовенства, так и светских избирателей. Но левые решительно возражали против этого. Среди них выделялся Робеспьер, не только отвергавший выборы епископов и кюре клириками, но и настаивавший на выдвижении мирян на церковные должности. Он полагал, что «архиепископы являются ненужной ступенью иерархии»³, а остальным служителям культа требовал понизить жалованье. Поддержанный Барнавом и Ле Шапелье, Робеспьер не добился своего, но левые пресекли саму возможность движения Собрания навстречу умеренно-либеральной части духовенства.

© Т.Черноверская 2005-2006

© Vive Liberta 2006

¹ Документы истории Великой Французской революции. Т.1. С.392.

² Там же. С.390-391.

³ Будущий жирондист и соперник Робеспьера Бриссо шел дальше, предлагая упразднить и сан епископа. См.: Карл С.Я. Религиозные проблемы в годы Французской буржуазной революции конца XVIII века: Церковная политика лидера Жиронды // Вопросы истории. 1987. № 2. С.57.